

КОНЦЕПТ «ЖИЗНЬ»: ПОНЯТИЙНАЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Статья посвящена одному из ключевых культурных концептов, имеющих архетипическую природу, концепту «жизнь». Выявляются и описываются объективированные средствами языка понятийные и символические составляющие, формирующие ядро структуры названного концепта.

Ключевые слова: концепт, объективация концепта, понятийные признаки, символ, символизация.

Концепт представляет собой единицу сознания человека, аккумулирующую знания и опыт, полученные в процессе освоения окружающей действительности. Другим источником отражения этих знаний выступает любой естественный язык, который, по определению Г. В. Колшанского, есть «звуковая книга о мире» [1990. С. 15]. На протяжении всей истории своего существования человек в процессе познания объективного мира создает некий мир смыслов, отражающих мир реальный в идеальной форме. Этот мир смыслов и есть концепты – ментальные образования. Язык в своих формах материализует наше сознание, он является основным источником получения информации о ментальных сущностях. Через языковые единицы (слова, фразеологизмы, свободные словосочетания, предложения, тексты) и объективируются концепты.

В лингвистических исследованиях, посвященных изучению и описанию их структур предлагается либо в терминах ядра и периферии [Попова, Стернин, 2001], либо через выделение концептуальных признаков [Пименова, 2003]. При первом подходе к описанию структуры концепта выделяют концепты одноуровневые, состоящие только из понятийного ядра, и многоуровневые, периферийная зона которых представляет собой интерпретационное поле, содержащее оценки и трактовки ядра концепта челове-

ским сознанием, а также концепты сегментные, в структуре которых присутствует базовый слой, окруженный равноправными по степени абстрактности сегментами. Ю. С. Степанов пишет о концептах, имеющих слоистое строение, в которых каждый слой является результатом культурной жизни разных эпох [1997. С. 21]. М. В. Пименова в своих трудах предлагает выделять в структуре концепта базовые, понятийные, символические, функциональные, оценочные и образные признаки. Понятийные признаки (наряду с базовыми и символическими) выступают определяющими в формировании структуры концепта, их можно назвать ядерными или основными. Базовые признаки выявляются на основе анализа внутренней формы слова-репрезентанта концепта. Понятийные – путем анализа лексического значения этого слова, а также слов-синонимов к слову-репрезентанту. Символическими являются признаки, восходящие к существующему или утраченному мифу, ритуалу.

В данной работе предпринята попытка представить через анализ языковых единиц понятийные и символические признаки одного из ключевых концептов русского сознания – концепта «жизнь». Традиционно ключевым концептом называют тот концепт, который выступает главной единицей картины мира, является константой культу-

ры и «обладает значимостью, как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом» [Маслова, 2004. С. 5].

Идея бытия (существования) занимает важное место в духовном мире человека: «Мысль о бытии чего-либо есть самая общая и самая элементарная в мыслительном аппарате человека, нельзя мыслить что-либо в плоскости небытия» [Пешковский, 2001. С. 174]. Наша жизнедеятельность опирается на простые и понятные предпосылки, которые человек понимает обычно без особых сомнений и рассуждений. Самая первая и универсальная среди них – естественное утверждение, что *мир есть, существует, имеется «здесь и теперь», наличествует* и в этом мире живет (существует) сам человек. Исходно жизнь понимается как «форма существования материи», что отражается в первичном значении объективирующего данный концепт одноименного существительного [Ожегов, Шведова, 1995. С. 190].

Номинатив *жизнь* является производным от общеславянского глагола *žiti путем прибавления к глагольной основе суффикса с абстрактным значением *-знь* (ср. также *боязнь, неприязнь*). Глагол является индоевропейским по характеру происхождения, о чем свидетельствуют родственные формы в литовском (*gyti*), латышском (*dzīt*) и ряде других индоевропейских языков [Фасмер, 2004. С. 57]. Исходное значение глагола *жити* – «существовать, быть живым» [СРЯ, 1978. С. 110]. Следует отметить, что древние славяне почитали богов жизни (Жива) и смерти (Морана, Мара). Само имя богини Жива (в польской хронике Я. Длугоша *Zuwa*) того же корня, что и глагол *жити*. Жива была богиней жизни, плодородия, благополучия, красоты и весны (как времени расцвета всего живого, начала жизни). Согласно польским сказаниям, весной она превращалась в кукушку, извещающую человека о времени года и о том, сколько ему еще остается жить на земле [Гаврилов, Наговицын, 2002].

Производной от того же индоевропейского корня (**gi-*), что и общеславянский глагол *жити*, является лексема *живой* (суффиксальное образование), возможно, от основы **gīvo-* с помощью суффикса *-t-* образовано имя *животъ*, которое в своем исходном значении обозначало именно *жизнь* – некий признак, которым обладает то или иное существо. Ряд вторичных зна-

чений данного имени возник в результате семантических переносов метонимического типа:

а) *животъ* – «всякое живое существо / животное» ← «тот, кто обладает признаком *жизнь*» → изначально только существо, тогда как в современном русском языке семантикой существительного *жизнь* допускаются сочетания типа *жизнь города, жизнь старого дома* и под. (*Жизнь весны кончилась, в люди ее не пускали*. Ильф и Петров);

б) *животъ* – «все, что нажито, имущество» ← «то, что приобретено в процессе жизни» ← «то, что необходимо для поддержания существования в целом»;

в) *животъ* – «живот» – «часть тела человека или животного, в которой находятся органы пищеварения». Возникло лексико-семантическим путем: *животъ* – «жизнь» → а также «место ее средоточия» (без пищи существование человека или животного вряд ли возможно). Как отмечает М. М. Маковский, само «значение “жизнь”» (а точнее «понятие». – Н. Д.) нередко ассоциируется с животом, с кишками: др.-инд. *as-* ‘жизнь’, но др.-англ. *eosen* ‘кишка’; нем. *leben* ‘жить’, но англ. диал. *lebb* ‘желудок теленка’» [Маковский, 1996. С. 154]. В современном русском языке функционируют два омонимичных слова: *живот*¹ – 1. «часть тела, в которой расположены органы пищеварения»; 2. «желудок, кишечник» и *живот*² – «то же, что жизнь» с пометой *устаревшее* [Ожегов, Шведова, 1995. С. 189], при этом сфера функционирования второй лексемы ограничивается рядом фразеологизмов типа *не щадя живота, не на живот, а на смерть, класть / положить живот / животы*.

От глагола *жити*, видимо, с помощью суффикса *-то-* образовано существительное *жито* (аналогичное по структуре *тесто*), которое в современном русском языке имеет значение «всякий хлеб в зерне или на корню» [Ожегов, Шведова, 1995. С. 190]. Являясь в современном русском языке гиперонимом, данное слово в ряде диалектов имеет более узкое значение: «ячмень» в северо-западных говорах, «рожь» на юго-западе Центральной России [Букринская, Кармакова, 1994], также в современном польском языке *żyto* – это рожь. Есть предположение, что данная лексема происходит от греческого слова хлеб (σιτος), так интерпретируется

происхождение этого слова в «Лексиконе» – первом энциклопедическом словаре (1744–1746) В. Н. Татищева. Однако более вероятно происхождение слова *жито* от глагола *жить* (В. И. Даль в словарной статье ставит вопрос напротив *жито* – «от жить?»): жито как всякий хлеб в зерне или его конкретной разновидности – это то, что является источником питания, а значит и поддержания жизни (в ее биологическом понимании). Не стоит забывать, что хлеб – основная пища славян, причем наиболее сакральный вид пищи, а также символ достатка, изобилия и материального благополучия. *Жито* не обозначает каких-либо видов некультурных растений или же тех, которые не используются в пищу человеком или животными: из ячменя, гречихи, овса (таковы основные диалектные значения этого имени) не пекут хлеб, но зато варят кашу, овсом кормят домашних животных. Соответственно образование деривационной цепочки по линии «*жить* – существовать, быть живым» → «*жито* – пища, источник жизни» оказывается вполне возможным: *Без ржицы зернистой, пшенички колосистой, всякого жита немислима жизнь!* – говорится в обрядовой поэзии крестьян.

Другим производным от общеславянского глагола *жити* является старославянизм *житие* и его древнерусский вариант *житъе*. Эти имена широко, как показал анализ древнерусских текстов, использовались в языке того времени для обозначения понятия *жизнь*. Лексема *житие* чаще употреблялась при описании жизни святых, великих князей: *Сий же* (князь Дмитрий Иванович. – Н. Д.) *убо весь с похвалою добродѣтели вся лѣта жития своего сверши* («Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича»). Так же именуется и произведение, описывающее жизнь святого: *Дивлю же ся о семъ, како толико лѣтъ минуло, а житие его не писано* («Житие Сергея Радонежского»). Синонимичной слову *житие* в значении «жизнь» выступает лексема *животъ*, однако последняя чаще используется при описании жизни простого человека, народа в целом: *...испроверже злѣ животъ свой в томъ мѣсте; Проклята земля в дѣлѣхъ твоих, и в печали яси все дни живота своего* («Повесть временных лет»). По словам проф. В. В. Колесова, разница между приведенными выше синонимичными лексемами состоит в том, что слово *животъ* в исход-

ном значении «и в символическом его спектре эпохи Средневековья... обозначало чисто физический характер биологической жизни человека», тогда как «в исходном значении» слова *житие* «присутствовала идея не полученного, а добытого существования... в средневековой системе ценностей это слово стало обозначать формы социально установленной жизни (*житъе-бытье* простеца – или *житие* святого) [Колесов, 2002. С. 126]. В современном русском языке *житие* функционирует как стилистически маркированное существительное, фиксируемое словарями с пометой книжное, а лексема *житъе* представляет собой разговорный вариант [Ожегов, Шведова, 1995. С. 190–191]. Таким образом, обозначая «физиологическое существование человека, животного, всего живого», эти имена используются в стилистически различных контекстах: *Великое его житие и жизнеописание по праву закрывает ряд великих рождений 1899 года рекордом страстотерпства* (А. Битов); *Житъе у нас было плохое, / Почти вся деревня вскачь / Пахала одною сохою / На паре заезженных кляч* (С. Есенин). Контекстуально *житие* может противопоставляться *жизни*, как нечто высокое – обыденному, правильное – неправильному: *Расчистило на западе, золото глядело оттуда из-за красивых лиловатых облаков и странно озаряло этот бедный приют любви, любви непонятной, в какое-то экзотическое житие превратившей целую человеческую жизнь, которой, может, надлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной в своём обаянии Лушки...* (И. Бунин); *Травившая его при жизни пресса изрядно постаралась, чтобы превратить его жизнь в житие и изобразить Высоцкого законопослушным благонамеренным патриотом* (А. Городницкий). Интересным является тот факт, что на данном этапе в произведениях современных авторов, несмотря на маркированность существительного *житие* как книжного, устаревшего в словарях, оно может употребляться и в стилистически сниженных контекстах, получая дополнительную ироническую коннотацию: *Может быть, космические скорости, житие в Интернете оставят нам лишь воспоминания об «Оскарах», Гран-при и шумных, изысканных раутах в Канне, Берлине, Венеции...* (В. Молчанов, К. Сегура); *Чтобы загород-*

ное *жизнь* действительно радовало людей, решивших приобрести дом в коттеджном поселке, об этом надо позаботиться задолго до того, как на стройплощадку придут первые рабочие (М. Ожерельева).

Вернемся к существительному *жизнь*. Данное имя функционировало уже в древнерусском языке, однако значение древнерусского существительного *жизнь* – «бытие, существование вселенной» на тот момент не являлось исходным, первичным. Первичным было как раз значение «физиологическое существование всего живого», т. е. в сознании древнерусского человека исходной точкой существования мыслился именно живой организм (человек или любой другой природный объект), а потом Вселенная. В современном русском языке у существительного *жизнь* значение «физиологическое существование человека, животных» является вторичным, производным от исходного первичного и связанного с ним метонимической связью: «физиологическое существование человека и животных» и есть одна из форм «существования материи». То, что развитие значений слова всегда направлено в сторону большей абстрактности, неоднократно подтверждалось лингвистическими исследованиями, приведенный пример также иллюстрирует эту особенность.

Жизнь как форма существования оказывается привязанной к категории времени, третьим значением номинатива *жизнь* выступает значение «время такого существования от его возникновения до конца, а также в какой-нибудь его период» [Ожегов, Шведова, 1995. С. 190]: *Помню, как подростком читал у Стефана Цвейга про толстого, одышливого писателя, всю жизнь тщетно гнавшегося за богатством, любовью и счастьем...* (Б. Акунин). Жизнь, протекая во времени, имеет начало и конец: *Любил с начала жизни я / Угрюмое уединенье...* (М. Лермонтов); *Все эти данные хранились с начала века, когда ученые впервые заинтересовались метаморфозами сознания за пределом биологического конца жизни* (Б. Акунин), членясь на временные отрезки (дни, месяцы, годы), она оказывается линейно направленной и представляет собой некоторый отрезок бытия субъекта. Отсюда и возникшая синонимия *жизнь* – *век*. Существительное *век* синонимично лексеме *жизнь* в третьем значении, обозначает временной отрезок существования. При этом

исходное значение *век* – «период в сто лет, условно исчисляемый от рождения Иисуса Христа» [Ожегов, Шведова, 1995. С. 69] оказывается в этом случае стертым. *Век* человека может быть охарактеризован как *короткий* или *долгий*, но в этом случае не идет речи о каких-то определенных единицах измерения этого периода, нет даже простого сопоставления с промежутком в сто лет (*век* человека определяется как *долгий* в случае, если человек дожил до старости, и как *короткий*, если человек умер молодым): *Она прожила для женщины долгий век (ей было семьдесят четыре года); она после смерти Степана Михайлыча ни в чем не находила утешения и сама желала скорее умереть* (С. Аксаков); *Отец верил, что сын родился у него добрым и останется таким на весь свой долгий век* (А. Платонов); *Их было великое множество, и они смотрели с неба на землю с таким выражением и так при этом мигали своими длинными ресницами, все вразброд, словно отсчитывали оттуда сутному человеку его короткий век*. (Н. Никандров); *Бросьте, Теплов, валять дурака. У нас у всех короткий век. А кулон – это целое состояние* (Ю. Азаров).

Применительно к неодушевленным субъектам *век* также обозначает «промежуток существования», который может характеризоваться по шкале «долгий – короткий», ср.: *Битая посуда два века живет* (Пословица) – т. е. «очень долго»; *У пламенника должна быть тьма личин: за долгий век он сменяет уйму мест, и всякий раз ему приходится становиться иным...* (П. Крусанов); *Среди дубов кое-где росли сгорбившиеся, вернувшиеся в лес сливовые деревья, груши и черешни, а персиков и абрикосов уже не было, - их короткий век прошёл* (В. Гроссман). В значении «существование, жизнь» лексема *век* чаще употребляется в разговорной речи, широко представлена она в русских пословицах и поговорках: *Век долог – всем полон; Век живучи, спотыкнешься, идучи; Век короток, до погудка долга*.

Конечность самого существования подразумевает конечность и временность всего, что происходит в жизни человека: *К счастьем или к несчастью, в нашей жизни не бывает ничего, что не кончалось бы рано или поздно* (А. Чехов). В данном случае мерилом выступает сам человек и его существование, что является наглядным примером проявления принципа антропоцентризма.

Сужение первичного значения существительного *жизнь* – «форма существования материи» приводит к появлению значения «деятельность общества и человека в проявлениях» [Ожегов, Шведова, 1995. С. 190]: *Она не догадывалась, не могла знать тогда, что живет слишком напряженной духовной жизнью* (Р. Белоглазова). Данное значение включает семы “образ жизни”, “способ проявления жизни”: *Я, например, принадлежу к числу людей, для которых брак и семейная жизнь – все* (А. Чехов); *И он уже описывал свою жизнь, и предо мною предстали все безобразия одинокой, холостой жизни* (А. Чехов).

Пятое значение «реальная действительность» – все то, что окружает человека, представляет собой абстрагирование по линии «все, что есть в наличном бытии (одушевленное и неодушевленное), наделено существованием / жизнью», а следовательно, и представляет ее саму: *А жизнь кипит, / Вокруг меня снуют и старые, и молодые лица...* (С. Есенин); *В природе есть очень много загадочного и темного, но и в обыденной жизни, доктор, часто приходится наталкиваться на явления, которые решительно не поддаются объяснению* (А. Чехов). Данное значение также является производным непосредственно от первичного. Следует отметить, что оно отсутствовало у древнерусского существительного *жизнь*, однако у древнерусского имени было более конкретное значение, в некоторой степени соотносимое с современным – «имуущество, состояние, совокупность жизненных благ»: *Се есмь села их пожгли и жизнь их всю...* («Ипатьевская летопись»).

В древнерусском языке было представлено шестое значение современного имени – «оживление, проявление деятельности»: *Прежде у нас в городе как-то и жизни больше было...* (А. Чехов). В данном лексико-семантическом варианте актуальной оказывается именно сема “деятельность”, ведь именно через деятельность и проявляется жизнь. Ср.: *Нача призывати прихожах Нмциѣ и Русь, иноязычники и ляхы; идяху день и во день, и уноты и мастерѣ всяции бѣжаху ис Татарь, сѣдѣлници, и лучници и тулници, и кузнициѣ желѣзу и мѣди и сребру; и бѣ жизнь, и наполниша дворы, окрестъ града поле и села* («Ипатьевская летопись»).

Словари современного русского языка не фиксируют значение «существо» у существительного *жизнь*, однако в этом значении данное имя использовалось в древнерусском

языке, да и в современной разговорной речи оно может актуализировать это значение, ср.: *Едина упостасьноу жизнь рождѣши* [Срезневский, 1912. С. 873]; *Татьяна чувствовала, что в ней зарождается новая жизнь, и это будет ее ребенок, о котором она так долго мечтала*. Перенос значения «форма биологического существования» → «эмбрион, неродившийся ребенок» вполне очевиден: пока ребенок находится в утробе матери, он обособлен от окружающего мира, он пока еще не способен к каким-либо внешним действиям и формам проявления жизни, а потому не является полноценным человеком, на этом этапе он лишь биологическое существо.

Итак, уровень понятийных признаков концепта «жизнь» включает следующие: “форма существования”, “процесс, сопряженный со временем”, “процесс, сопряженный с деятельностью и проявлением”. Данные признаки оказываются достаточно древними и, как показывает сравнение древнерусского и современного языкового материала, устойчивыми, т. е. понятийное ядро концепта «жизнь» было сформировано уже в древний период. Однако изначально жизнь как форма существования определялась именно как форма биологическая, жизнью наделялись человек, животные, природа, о чем свидетельствуют и данные мифологии (богиня Жива являлась олицетворением плодоносной силы, красоты всей природы и человека, она властвовала именно весной, когда пробуждалась природа после зимнего сна), и анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт «жизнь» в древнерусских текстах. Все большее абстрагирование мышления способствовало расширению понятия «жизнь». Жизнь начинает пониматься как форма существования любого объекта, материи в целом. Интересен тот факт, что в польском языке до сих пор у лексемы *życie* – «жизнь» первичным является значение «stan organizmu polegający na nieprzerwanym ciągu procesów umożliwiających reagowanie na bodźce i zwykle poruszanie się oraz odżywianie, wzrastanie i rozmnażanie» [Słownik języka polskiego, эл. версия] («состояние организма, заключающееся в непрерывном течении процессов, которые позволяют реагировать на стимулы, двигаться, а также питаться, развиваться и размножаться»), т. е. здесь в качестве первичного сохраняется исходное (древнее) значение данного имени, выделяющее именно биологические аспекты существования.

Среди множества мыслительных операций человека особо выделяется одна – символизация, человеческое сознание создает вокруг себя мир символов и именно в этом символической вселенной человек и существует. Чаще всего под символом понимают вещь, награжденную смыслом, например в славянской культуре сосна – это символ веры и магии, солнце – символ красоты, любви, веселья и т. п. Символы культурно обусловлены и отличаются от простых знаков тем, что сущностью последних является простое указание. Символ имеет архетипическую природу, т. е. представляет собой первичный образ в терминологии К. Юнга [1991]. Важнейшим его свойством является образность. Одним из древнейших образных представлений жизни является образ пути или дороги: *На пути животья не находить блудная же теченья ее неблагоприятна* («Повесть временных лет»); ...и для новояраратских монахов не было выше чести, чем завершить свой *земной путь* в тамошних пещерах, на костях прежних праведников (Б. Акунин). То, что данный образ является достаточно древним (и, видимо, общим для славян), не вызывает сомнений. Например, в польском языке помимо возможных свободных сочетаний типа *droga życia – дорога жизни, po drodze życia – по дороге жизни* (*Ukaż mi moją drogę życia. / Spraw, abyś wybrał to, / coś Ty dla mnie zamierzył...* Молитва. – *Укажи мне мою дорогу жизни, / Направь, чтобы выбрал то, / Что ты для меня определил...*) функционирует устойчивое сочетание *na nowej drodze życia* (буквально *на новой дороге жизни*), имеющее значение «w nowym okresie życia, zwykle po zawarciu małżeństwa» [SF, эл. версия]. Данный фразеологизм обычно используется как обозначение нового периода в жизни после бракосочетания: *Wszystkiego najlepszego na nowej drodze życia!* (*Всего наилучшего на новой дороге жизни!*).

Дорога становится символом жизни, символом развития. Период существования – это путь человека по дороге жизни, при этом путь, имеющий конечную точку: *Не в гору живем, а под гору*, – гласит русская пословица. Следует отметить, что «пространственные отношения, наряду с временными, являются одним из типов базовых отношений, воспринимаемых человеком и отражаемых формами языка» [Гак, 1996. С. 6]. Жизнь как форма существования предполагает, прежде всего, существование в некоторой системе пространственно-временных координат. Пространственно-

временная ориентация человека есть практически физический закон существования любого объекта, в том числе и объекта идеальной сферы. Привязанная к конкретному пространству жизнь человека может определяться как *городская* (т. е. протекающая в городе), *дачная*, *деревенская* и т. д.: *Кричали дети, кудахтали куры, судачили хозяйки. Шла тихая деревенская жизнь* (В. Аксенов).

При этом часто сама жизнь может восприниматься как некое пространство (о чем свидетельствуют сочетания лексемы *жизнь* с предлогами пространственного значения *в*, *по* и *на*): *С появлением Вовки в жизнь вошло много такого, что сразу расширило представление о ней* (Р. Белоголова); *Он ведет по жизни сына и, как мне кажется, не его одного* (В. Константинов); *Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье...* (А. Чехов). При этом данное пространство может осмысляться как реальное, так и виртуальное (имеющее вид чертежа, плана или схемы): *Только ставши лебедем надменным, Изменился серый лебеденок. А на жизнь мою лучом нетленным / Грусть легла, и голос мой незвонок...* (А. Ахматова); *Изредка он отрывался от книги и квадрата и в воображении своём составлял себе новый план жизни* (Л. Толстой). Это может быть замкнутое пространство, имеющее границы или края: *Ну, и что ж! Пройдет и эта рана. / Только горько видеть жизни край...* (С. Есенин). Однако данные признаки следует отнести к разряду образных, поскольку все они представляют собой концептуальные метафоры – перенос понятийных структур с одних фрагментов действительности (для концептуализации и именованя которых эти структуры и были созданы) на другие ее фрагменты. *Жизнь* – «путь / дорога», несомненно, тоже метафора, но здесь важным оказывается то, что дорога превращается в символ жизни, каким, например, для наших предков-славян был и хлеб.

Результаты познания объективного мира человек фиксирует в слове, содержание языковой единицы, изменение иерархии ее значений свидетельствуют о переосмыслении объективированного средствами языка феномена в сторону все большей абстрактности. Сравнительный анализ способов объективации концепта «жизнь» в современном русском и древнерусском языках позволил сделать следующий вывод: понятийное ядро

данного концепта было сформировано в достаточно ранний период, в основе символического представления жизни как пути / дороги лежит метафорическая модель (также древняя), построенная по линии «перемещение в пространстве» (например, движение человека по реальной дороге, которое немислимо без соотнесения с системой временных координат) → «перемещение по этапам, периодам жизни» (рост, развитие в течение всей жизни). Символические признаки, восходя к мифу, тесно переплетаются с понятийными и, возможно, отчасти влияют на их формирование. Ядро концепта «жизнь» с течением времени претерпело незначительные изменения, ответить на вопрос, является ли подобного рода тенденция универсальной для всех абстрактных концептов, помогут дальнейшие исследования в русле когнитивной лингвистики.

Список литературы

- Букринская И. А., Кармакова О. Е., Саркисян С. Г., Голубева Н. Л., Николаев С. Л.* Язык русской деревни: школьный диалектологический атлас. М.: Аспект Пресс, 1994. 160 с.
- Гаврилов Д., Наговицын А.* Боги славян. Язычество. Традиция. М.: Рефл-Бук, 2002. 313 с.
- Гак В. Г.* Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность / Под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 6–26.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: электронная версия. URL: <http://slovardalja.net/>.
- Колесов В. В.* Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
- Колишанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 103 с.
- Маковский М. М.* Мифологическая символика в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.
- Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. Минск: ТетраСистем, 2004. 256 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Азъ, 1995. 928 с.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
- Пименова М. В.* Концепт *надежда* в русской языковой картине мира // Человек и его язык / Под ред. Е. А. Пименова, М. В. Пименовой. Кемерово: Графика, 2003. Вып. 4. С. 47–67.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. 1420 с.
- СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. С. Г. Бархударова. М.: Наука, 1978. Вып. 5. 392 с.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель – АСТ, 2004. Т. 2. 672 с.
- Юнг К. Г.* Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. 304 с.
- SF – Słownik Frazeologiczny: электронная версия. URL: <http://www.sciaga.pl/slovníki-tematyczne/slovník-frazeologiczny/>
- Słownik języka polskiego: электронная версия. URL: <http://sjp.pwn.pl/slovník/3061717/>

Материал поступил в редколлегию 13.03.2011

N. V. Deeva

CONCEPT «LIFE»: CONCEPTUAL AND SYMBOLIC COMPONENTS

The article is devoted to one of the key cultural concepts having an archetypal nature: the concept «Life». The conceptual and symbolic components forming the kernel of the concept's structure are discussed. These components are analyzed in the Russian language.

Keywords: concept, an objectivization of concept's, conceptual signs, a symbol, symbolization.